

Стихи

Автор:

Олег Лялин

Стихи

Олег Павлович Лялин

Книгу составили стихи Олега Лялина (1937–2010) – петербургского поэта, творчество которого неразрывно связано с городом, его судьбой и историей – но и судьбой и историей страны, биографией и духовными поисками автора. Эти стихи передают сложный ритм второй половины XX века, культуру и язык столь недавней и в то же время навсегда ушедшей в прошлое эпохи.

Предисловие

В жизни и творчестве петербургских поэтов город играет совершенно особую роль. Для Олега Лялина Петербург–Ленинград был живым существом, собеседником, источником энергии и вдохновения. Порой он ощущал город как камерное, интимное пространство, порой – как проекцию России или модель мироздания. В его городе-палимпсесте спрессованы разные культурно-исторические пласты, а поэтическая память, нарушая привычную хронологию, в одном и том же месте может спонтанно разыграть сцены из петровского или пушкинского времени – и блокады Ленинграда.

Олег Павлович Лялин (1937–2010) родился в клинике им. Д. О. Отта, рядом со Стрелкой Васильевского острова – позже Стрелка станет главной мифической точкой в его личной городской топографии. Дом, где жили его родители, где он провел несколько первых лет жизни и куда вернулся в юности, находится на углу Среднего проспекта и бывшей Съездовской, а ныне Кадетской линии. Беззаботное детство длилось недолго: вскоре началась война, блокада, голод. В раннем возрасте Олег потерял обоих родителей (отец с фронта не вернулся,

мать погибла, когда ему было семь лет). Ощущение сиротства и бездомности, мерцающий в глубинах памяти образ матери, опыт скитаний по «ленинградским трущобам» позднее найдут отражение в его стихах. В детском доме, куда его поместили после войны, мальчику посчастливилось встретить чутких педагогов, о которых он навсегда сохранил добрые воспоминания. В школьные годы он начал заниматься спортом, отдавая особое предпочтение боксу как благородному способу постоять за себя и защитить слабых. Именно в детском доме он усвоил жесткие принципы, которым не изменял никогда, часто в ущерб собственным интересам: прямота, нередко граничащая с резкостью, щедрость, презрение к любым, подлинным или мнимым, компромиссам с совестью, абсолютное пренебрежение бытовой стороной жизни и культ дружбы. Он многих очаровывал, увлекал, вдохновлял, другим казался наивным идеалистом.

Олег Лялин окончил 141-ю среднюю школу, а летом 1956 г. был призван в армию. Первые четыре месяца службы он провел в Казахстане – в его дневнике сохранились откровенные записи о беспорядочности и бессмысленности легендарной кампании по освоению целинных земель. Спасением оказался перевод в авиацию, в Эстонию. Вернувшись после армии в родной город, он поступил в Горный институт. Многие годы Лялин проработал во ВНИМИ (Всесоюзном научно-исследовательском маркшейдерском институте) на Васильевском острове, где конструировал приборы для испытания горных пород. Но – параллельно с профессиональным интересом к земным недрам в нем постоянно пульсировало желание проникнуть в иные, нематериальные сферы бытия, разгадать законы Вселенной и свое предназначение. В 1970-х гг. он начинает заниматься йогой, увлекается восточной философией, экспериментирует с традиционной медициной. В 1990 г. духовные поиски приводят его к Сахаджа-йоге, и он становится активным последователем основательницы этого направления, Шри Матаджи Нирмала Деви.

Он никогда не выходил из дома без тетрадки и ручки. Спонтанно возникавшие в его сознании стихотворные строки он часто записывал на бегу, в метро или во время долгих прогулок по городу, в путешествиях по Кавказу или по Волге, почти всегда указывая место и точное, вплоть до секунд, время их создания.

Стихи Олега Лялина – это диалог с миром, попытка понять себя, обратить в слова те вибрации и информационные потоки, которые ощущаются на уровне интуиции. И, несомненно, творчество давало ему ощущение свободы и преодоления физических, идеологических, бытовых, географических и иных пределов. Его поэзия свидетельствует о том, что и в тоталитарном пространстве

мертвых слов, готовых формул и ложных смыслов человек всегда имеет возможность отринуть предлагаемые правила игры и остаться верным своему личному мироощущению, эмоциям, языку. Среди его постоянных мотивов были Петербург; война, блокада, Победа; космос и всепроникающая субстанция духа; русская культура; поэзия; мудрость природы, оттеняющая человеческое безумие; личная судьба и круговорот российской истории. Ряд стихов был написан к встречам с одноклассниками-детдомовцами (это своего рода печальная советская вариация лицейских годовщин Пушкина). Лялин постоянно читал стихи, биографии любимых поэтов (среди которых особое место занимал Сергей Есенин), работы по филологии, сам экспериментировал с различными стихотворными формами и жанрами (сонет, венок сонетов, поэма, хайку), интересовался стихотворным переводом.

Через собранные в этой книге тексты проступает сложный узор человеческой жизни – уникальной и в то же время неразрывно связанной со своим временем, его ритмом, культурой и эстетикой.

МарияРубинс

Я не считал свои года,

Как не считает лето травы.

Сплелись морщины в невода

С уловом боли и забавы.

Да по ночам по сердцу бьет

Табун моих воспоминаний...

Душа лишь знает перелет

К планетам будущих свиданий.

1972

Иоанновский мост

Иоанновский мост – старина золотая:

Все изящно, красиво и тонко.

И не даром орлы на столбах, не слетая,

Восхваляют художников звонко.

У решеток рисунок прозрачен и прост.

Перед ними застыли горгоны.

И лавровый венок из металла пророс,

Змеи слушают мирные звоны.

И разящие стрелы лететь не хотят.

Копья тихо стоят в карауле.

И щиты и мечи тишину эту чтят,

Утомившись в воинственном гуле.

А когда надвигается черная ночь,

Уж готовая скрыть красоту,

Фонари ей кричат: прочь, бездушная, прочь!

Ты не будешь плясать на мосту.

1969

Фото: Ноах Рубинс

Я помню утро: на обоях солнце,

Тишь летняя. И тополиный пух

Влетает в растворенное оконце,

В моих ладонях греется, как дух.

А комната – чиста и белоснежна.

Все в кружевах: комодик, стол, кровать.

И, отдыхая после ванны, нежно

Вздыхала, вспоминая что-то, мать.

Укрывшись простынею, на крутую

Постель облокотилась она

И, теребя волос копну густую,

Запела, словно берегу волна.

Я, как от солнца яркого в июле,

Был ослеплен земною красотой

И, растворяясь, словно в дивном гуле,

Испуганно парил над высотой...

Знать, оттого не раз прощал измены

Я женщинам и просто и легко,

Что образ тот лебедушкой из пены

Передо мной взмывает высоко...

1970-е гг.

Остров Валаам

Здесь Петр Великий царственным перстом

Вновь возродил угасшую обитель.

И каждый шаг свой застолбил крестом

Игумен Дамаскин – суровый житель.

И белый скит, как символ чистоты,

Пророс из скал земли обетованной,

Чтоб мы познали чудо красоты,

Любили жизнь без шелухи парадной.

Здесь ты не встретишь золотых хором.

Здесь тишина в душе поет органом.

Ее нарушить смеют только гром

Или ветра, ворвавшись ураганом.

Здесь мудрость изливается с небес.

Покой нисходит к травам и озерам.

Здесь можно, проходя сквозь мыслей лес,

Увидеть Душу просветленным взором.

1971

Сад на площади Искусств

Овальный зал с паркетами дорожек,

С развесистыми кронами каштанов,

С изгибом талий, хороводом ножек,

И женских губ – с окраскою тюльпанов.

У пьедестала Пушкина – букеты.

Поэт благодарит своих поклонниц,

Их спутникам любезно шлет приветы

И молча терпит суесловье сводниц.

У ног его народ сидит и дремлет.

В музей проходит или ждет свиданья.

По вечерам театру чутко внемлет

Иль наблюдает ласточек порханье...

В ночной тиши, когда толпа растает

И фонари померкнут, дышит сад

И Пушкина живого вспоминает...

И нынешней поэзии не рад.

1980

Фото: Артур Махлаюк

Пусть завтра умереть. Сегодня – жить!

Касаться ветра влажными губами,

И солнце, и любовь без меры пить,

Брести по травам за стадами.

Пусть завтра умереть. Сегодня – быть!

И плакать, ревновать и ошибаться,

И сквозь торосы неудач проплыть,

И никогда беде не поддаваться.

А если вдруг тебя обложит смерть,

И не найдется выхода из плена,

Ты не забудь, что истина нетленна:

Сегодня – жить! Хоть завтра умереть.

1973

Пишу стихи не ради славы

И не для звяканья монет.

Они во мне кипят, как лава,

Сквозь кратер сердца рвутся в свет.

Не спеленаешь их рассудком

И окриком не оборвешь.

Им не играется побудка,

Их лестью спать не зазовешь.

Они порой молчат упрямо,
Скрываясь в тайнике души,
То вдруг рванутся к солнцу прямо —
Тогда сомненьем не греши.

1973

На призрачной орбите ночи
Луна повисла перстеньком.

1973

Будто сорванный лист на ветру
Колышется нежная бабочка.

1973

Залива лед, как мокрый сахар,

И цвет, и прочность потерял,

И ветер западный, как пахарь,

На целине его застрял.

1973

Весною без причин особых

В ладони просится Земля.

И мысли ищут песен новых,

Давая рифмам шенкеля.

1973

В Соловьевском саду*

Притихли аллеи. Фонтаны давно заржавели.

В чугунных решетках проломы, как шрамы, черны.

Здесь клекот орла и военные трубы отпели,

Но чувства, как в юности, этому саду верны.

Сюда прихожу, не случайно, в скучающей лени,

А трепетно, тихо, с печалью прозрачной иду,

Чтоб снова увидеть и детства крутые ступени,

И юности шрамы, и верного сердца звезду.

1985

* Соловьевский сад – неофициальное название Румянцевского сада, расположенного на Васильевском острове, у Университетской набережной.

Фото: Артур Махлаюк

Не оставляйте нас, фронтовики.

Земля по вам еще не стосковалась,

Еще вас помнят звонкие клинки

И на прикладах ваша соль осталась.

Мир с вами и надежней и добрей.

Жестокий век становится моложе.

Мальчишки из объятий матерей

Уходят в мир возвышенной и строже.

Но вы все чаще сходите с орбит,

В земле усталой ищите покоя.

А жизнь неутомимая трубит:

«Фронтовики, не выходить из строя!»

1973

Мы в городах оторваны давно

От рук земли, от запахов тумана.

И трав настой в дешевое вино

Преображаем с ловкостью шамана.

А в пятьдесят, утратив гордый пыл,

На все брюзжим и безнадежно вянем...

А время мчится табуном кобыл...

Мы от него безжалостно отстанем.

1973

Вы далеки от звонкого стиха,

Как меч бумажный от жестянки ржавой.

И в каждой строчке ищете греха,

Как будто я крестился Окуджавой.

То Северянин мельтешит во мне,

То вдруг Есенин запекает пьяно...

Мои стихи родились не во сне,

Скорее в зарослях бурьяна

Да в сосняке, на берегу реки,

Где солнцу кланяются рыбаки.

1973

Остались мне от войны, от блокады

Жизнь – за троих, за троих – смех.

Лишь Пискарёвка в кольце ограды

Вечным плачем одна на всех.

1973

А детство, даже блокадное,

Всегда совершенства искало.

И сердце, до сказок жадное,

Пушкина томик листало.

1973

На Васильевском острове, в старой квартире,

В затемненной комнате, без мамы и слез,

Жил, подобно мишени в тире,

Трехлетний мальчик, не знавший грез.

На стене отсыревшей черной тарелкой

Дрожало радио воем сирен.

Каким-то чудом жила этажерка,

На ножки задние сделав крен.

Хранила она разноликие книжки

И вазы ажурные из стекла.

И книжки часто дарили мальчишке

Сказки, где жизнь красиво текла.

А вазы, когда зажигались свечи

Или буржуйка пела в углу,

Вдруг начинали тихие речи,

Мерцая радугой на полу.

Мальчик, наверно, привык к обстрелам

И с голодовкою свыкся тоже.

Он до войны рос смешным пострелом

И был для мамы всего дороже.

А теперь, на Васильевском, в старой квартире,

После холода и войны

Маленький сказочник в темном мире

Слушает музыку тишины.

1973

Куда несет меня течение?

В каком водовороте сгину?

И жизни жуткое мученье

Когда навеки с сердца скину?

Устал я. И других измучил.

Вокруг лишь жалобы да стоны.

Судьба, как в ребусе излучин,

Какие мне хранит затоны?

Все просто кажется порою,

И вдруг – тупик, и нету хода.

И кажется: себя зарюю

В бурлящей пене парохода.

Барахтаюсь, глотаю воду.

Тону, нет сил сопротивляться.

Но случай вдруг относит к броду,

Чтоб вновь мне жизни удивляться.

1977

Мне солнце улыбается в лазури,

Живительную прану льет в меня.

И даже рев неумолимой бури

Доходит ржаньем дикого коня.

И ни испуга в сердце, ни томленья.

Смеется жизнь вокруг и ворожит.

И легкая вуаль воображенья

Над каждым чувством трепетно дрожит.

1973

Весна и женщины преображают мир.

Струят тепло нам в грубые ладони,

Чтоб страсти, словно бешеные кони,

Не унесли нас на кровавый пир.

Нас награждают женщины любовью

Не для того, чтоб враждовали мы,

Вгоняли солнце в катакомбы тьмы

И орошали землю пряной кровью.

Весна нам стелет под ноги цветы,
Чтоб женщину мы ими украшали,
Чтобы добро со злобой не мешали,
Над юностью не ставили кресты.

Весна и женщины любовью рождены
И для любви. Нам это помнить надо,
Чтобы войны постылой канонада
Не расколола мирной тишины.

1972

Не тревожьте меня. Я устал.
Силы выжаты будто сок.
И души голубой кристалл
Рассыпается в мелкий песок.

Мне сегодня – тысячи лет.

В сердце – жуть от вселенских мук.

Я сегодня – как желтый скелет,

Как волшебник – без глаз и рук.

Я прошу: не тревожьте меня.

Дайте сердцу побыть в тепле.

Я еще поменяю коня,

Снова буду сидеть в седле.

1969

Не говори. Ответ мне ясен —

Ты болен, занят иль устал...

Я вновь один, как старый яшень,

Что при дороге пыльной встал.

Я, как и он, под осень таю

От бесконечных, злых дождей,

И мшистой грустью обрастаю

При виде клина журавлей.

Мне жутко будет от метели,

От зимней тягостной ночи...

Ну что ж, коль чувства облетели,

Так не заманят – калачи.

1969

Годами боль во мне качается,

Как люлька в тягостной ночи.

Ни на минуту не кончается,

Хоть ей анафему кричи.

То одиночеством затянет,

То горькой думою запьет.

И жизнь так безнадежно вянет

И безразличьем сердце бьет.

И мысли черные тягучи

И тайно тянутся к петле.

Судьба, как грозовая туча,

Все ниже клонится к земле.

Но знаю я: тот миг настанет,

И траур жизнь перехлестнет.

И все на место сразу встанет,

И боль колени подогнет...

1969

Весна

Как все же радует весна...

Сквозь стужу, прячась за метелью,

Она вначале, как струна,

Звенит веселою капелью.

А чуть апрель качнет крылами —

Снега осядут, треснет лед,

И черно-белыми следами

Весна на землю опадет.

Земля, счастливая, оттаает.

Забудет завыванья вьюг.

И стаи птичьи бросят юг,

И север родиной им станет.

С певучим треском лопнут почки.

Листва проклюнется... и вдруг

По небу огненные строчки

Гроза разбрызгает вокруг.

(1980?)

Песня

Одуванчика тонкая ножка

И серебряный шар головы...

Потерпи, буйный ветер, немножко,

Дай цветку постоять у Невы.

Он реке подарил свое солнце,

Превратился в серебряный звон.

Потерпи, буйный ветер... В оконце

Парашютики выбросит он.

Одуванчика тонкая ножка

И серебряный шар головы...

Потерпи, буйный ветер, немножко,

Дай цветку постоять у Невы.

1978-80

Душа озарена! Рокочет гром.

Лечу! Куда? – Не ведаю покуда.

Иль то иных миров ракетодром,

И ждет меня неведомое чудо?

Глаза прикрою – видится звезда.

Сквозь голубой туннель – ее сиянье...

Так в детстве уносили поезда

Мечту мою на вечное свиданье.

Раскрепощаюсь. Выплываю в свет.

В блаженстве растворяюсь... И невольно,

Душа, забыв скрижали давних бед,

Парит над Вечностью привольно!

1980

Владимиру Балыбердину*

Вершин не покоряют. К ним – восходят.

Там, на вершинах, душу познают.

И на подходах к ним – себя находят

Иль в слабости и трусости снуют.

Лавинам салютуют не для славы.

Их канонады бросят сильных в дрожь.

У гор свои законы, мир и нравы.

Там не в цене ни слезы и ни грош.

Там мужество – вот золотые слитки.

Там техника и стойкость – вот заслон.

Там камнепады бьют, словно зенитки,

В тебя в упор со всех пяти сторон.

И если не сорвешься с вертикали,

Расщелины и ледники пройдешь,

Твоя душа познает свет и дали.

Ты бесконечность сердцем обретешь.

1982

* Владимир Балыбердин (1948–1994) – первый советский альпинист, взошедший на Эверест 4 мая 1982 года.

Все у?же круг испытанных войной.

Все выше слава ратников Победы.

Немеркнущая память над страной

Хранит в себе и горечи и беды.

Год 45-ый... Майская теплынь...

И слезы счастья на лице солдата...

И радости прогоркшая полынь...

И, словно кровь, запекшаяся дата.

9 мая 1983

Опять в неведомые страны,

Душа, лети!

Пусть ждут тебя и боль, и раны,

Не отступи.

Не остудись, душа хмельная! —

Вперед и ввысь!

У времени рука стальная,

Не отступись.

Поэты знают: трудна дорога

Вперед и ввысь.

Поэты помнят: талант от Бога!

Не отступись!

1984

Мне снятся кони по ночам

Под шорох шин и лязг трамвайный.

И по асфальтовым плечам —

Копытный звон, как звон хрустальный.

И снится вместо черных труб,

Кадящих гарью и дымами,

Весельем пенящийся сруб,

Пропахший лесом и хлебами.

В нем вздохи желтых половиц,

Как женщин легкое раздумье.

И тень от елочных ресниц

На стенах, как вуаль колдуньи...

Как души мало объяснимы,

Так и костры в вечерней мгле.

И струи пламени, как нивы,

Качают песни на Земле.

Я эти песни сердцем слышу

В безмолвном трепете огня.

Парит душа все выше, выше

Над пеплом прожитого дня...

Я погружаюсь в размышленья,

Как солнце вечером в зарю!

И нежный аромат волнения

Стихам невольно подарю...

На смерть Л. И. Брежнева

Ушел тяжелобровый говорун.

Опричнина повластвует теперь.

Россия знала мало звонких струн,

Куда привычнее ей стон потерь.

Душа болит в предчувствии беды.

У КГБ – история черна.

Меч обнажен. Кровавые следы

Дай Бог, чтоб не увидела страна.

Не повторись, истории спираль...

Народ опять насторожил свой слух.

Проложена стальная магистраль.

Куда и кем? Ответит время вслух!

22 ноября 1982

Терзать себя и ревностью, и гневом

Достойно ли твоих и дум, и лет!

Дарила женщина свою любовь с напевом,

И в нем звучал прощания сонет.

Истаял звук. И молодое тело

Уже другому дарует напев.

К чему же так угрюмо и так смело

Ты осуждаешь легкокрылость дев?

Поэту ли изменою терзаться!

Ушла - одна, другая - ждет тебя.

Любовь всегда любовью будет зваться,

Пока в ней страсть как всполохи огня.

1987

Я как в тюрьме: тоска и боль разлуки,

Лишь изредка мелькнет твое лицо.

Коснутся лба изнеженные руки,

И снова – одиночества кольцо.

Я задыхаюсь от раздумий часто,

От ревности сгораю по ночам,

А ты наивно легкое участие

Ко мне несешь, как уголья к свечам.

К чему уют в ознобе ожиданья?

К чему слова, когда ответа нет?

Мне радости короткого свиданья

Все чаще дарят горечи сонет.

1987-88

Ты помнишь ночь, и бухту сонную,

И лунный блеск в морской волне,

Сухумский рейд, дорогу звездную,

Настойку грусти на вине?

Тогда ты стала мне завещана,

Как богом врезанная грусть.

И пусть навеки боль обещана,

Я от тебя не отрекусь.

Не знаю: ждет меня удача ли,

Иль топкий берег неудач?

Меня не раз разлуке сватали

С тоскою, под надрывный плач...

И все-таки иду без трепета

На перекресток наших встреч,

Чтоб страсть твою и влагу лепета

В ладонях и душе беречь.

Каждый вечер, лишь только сумерки

Прокрадутся к тебе на крышу,

Я с тоскою иду переулками

И надежду любви колышу.

Мне навстречу плывут прохожие,

Смех стучит рикошетом в окна.

И мне кажутся все хорошими,

И весь мир из улыбок соткан.

Ты мне чудишься как сияние

И в меня ароматом входишь...

Ах, девчонка, мое отчаянье,

Ты с ума меня, видно, сводишь...

Каждый вечер, лишь только сумерки

Растворят силуэты зданий,

Я иду к тебе переулками,

Чтоб крутить карусель свиданий.

Листья бьются, как птицы,

С лёту в рампу окна.

И пронзают их спицы

Нудно-злого дождя.

Ветер буйствует пьяно,

Рвет с деревьев наряд.

На рябине лишь ряно

Гроздьё ягод горят.

Среди мрака и стужи

Пламенеют они,

Чтоб деревья, как лужи,

Застыть не могли...

Все же скоро морозы

Сдуют пламя с рябин,

И от зимней угрозы

Черным станет рубин.

А земли километры

Снега занесут.

И свирепые ветры

Начнут самосуд.

Нева осенними ночами,

Как нефть, тягуча и черна.

И трется о гранит плечами

До дна продрогшая волна.

Мосты как горбуны застыли

И молятся воде в ночи.

И желтый блеск фонарной пыли —

Как блеск засаленной парчи.

Вдоль отсыревших парапетов

Столбы угрюмые стоят.

А в шашках каменных паркетов

Плафоны льдинками скользят.

1969

Ночь расколота костылями —

Инвалид беспризорный пьян.

Он давно не гулял полями,

Ему ближе сухой бурьян.

Его дом – подворотни и лестницы.

Его жизнь – тугая петля.

Ночь всегда ему – крик предвестницы,

Что тоскует о нем земля.

Его силы давно на пределе.

Гарь помоек – его тепло.

На сухом и скрюченном теле —

Горе ужасом проросло.

На безликом лице щетина.

Хриплый голос – как крик грача.

Днем он держит беду, как плотина,

Пьяно тело свое волоча.

Только ночью, когда устало

Стихнет город, как жизнь сама,

Инвалид костыли, как кресало,

Бьет о трубы его и дома.

Колет ночь, безразличье и горе,

Раздвигает души тиски,

Чтобы днем захлебнуться в море

Безысходности и тоски.

1969

Я сгорал от вина и простуды,

От любви же давно не сгорал.

Чувств веселых звенящие трубы

Я в походы с собой не брал.

И боролся с внезапным порывом,

Сердце сдерживал, как орла.

Мне все чудилось: над обрывом

Все те годы душа плыла.

А теперь – ни вина, ни простуды.

Полыхает Любовь во мне.

И поют мои чувства, как трубы,

О веселом и Вечном Огне!

1976

Тополя

Искромсаны. Без головы и рук

Вновь тополя стоят по Ленинграду.

Как будто враг свирепствует вокруг

И город хочет взять в блокаду.

И чудится мне: артобстрел и смерть.

Пожарищами память полыхает.

И жутко мне на тополя смотреть,

От их уродства сердце высыхает.

От этой жути не уснуть в ночи —

Все чудится измена где-то рядом.

И даже прилетевшие грачи

В отчаянье кричат над Ленинградом.

А по утрам, идя вдоль тополей,

Я будто прохожу по полю брани.

Мир за ночь стал бездушнее и злей,

Но как и прежде молится герани.

Я не кричу и не кусаю губ.

Лишь молчаливей становлюсь и суше.

И часто без причин бываю груб,

Да сердце бьется медленней и глуше.

Осень на Валааме

Клен рыжий, как экскурсовод,

Мне улыбается листвою,

И будто пьяной головою

Качает желтой кроны свод.

Он что-то тоненькой рябине

Лукаво шепчет и поет.

А та любовь спокойно льет,

Свое смущенье скрыв в рубине.

А там седеющие горы

У ног осин поклоны бьют,

И сосны песни в небо льют,

И ветры лают, будто своры.

Березки стройные грустят,

Припоминают праздник мая.

И, в тучах клином утопая,

Уж гуси с севера летят.

Лишь ели сфинксами застыли,

Зеленым пламенем горят.

И никому не говорят,

Что пьяными от лета были.

Природа сентябрем грустит

И песни птиц припоминает,

И холодком листву снимает,

И грибникам грибами льстит.

Брусника высыпала рьяно

Из стынущей земли в ночи.

Но заморозки, как ключи,

Чуть северней звенят упрямо.

И осень поздняя бредет

С дождями мелкими и злыми.

Мы ж днями поживем былыми,

Пока листва не опадет.

1971

Ах, вы, чудачки, яхты белые,

Невинностью опять блистаете

И, словно девушки несмелые,

От шепота морского таете.

И все вам кажется таинственно,

Красиво, ласково и трепетно.

И льется песнь прибоя искренно,

И шорох волн, как звуки лепета.

О том, что вы, прекрасно-юные,

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/lyalin_oleg/stihi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)